

Возможно, сказалась суматоха последних дней — Ли Мэн безумно устал. К тому же с тех пор, как они пустились в бега, ему впервые довелось заночевать в нормальном месте, так что он позволил себе поспать подольше. Проснувшись, юноша с удивлением обнаружил, что Чжао Лои уже давно на ногах: он сидел у стола и бережно разглядывал старую, изрядно выцветшую Карту-свиток из узорчатого шелка.

Ли Мэн плотнее зарылся в одеяло и негромко позвал:

— Шифу.

Чжао Лои даже не поднял взгляда:

— Время завтрака прошло. Если проголодался, ступай на улицу и купи чего-нибудь.

Его кошель лежал прямо на столе — безмолвное приглашение брать сколько нужно.

Умывшись, Ли Мэн примерил одеяние, которое Чжао Лои перешил для него. Теперь оно сидело гораздо лучше. Юноша несколько раз повернулся перед зеркалом, разглядывая себя.

— Тебе идет черный, — негромко заметил мастер.

В глубине души Ли Мэну совсем не хотелось с утра до вечера кутаться в траурный шелк. Этот цвет живо напоминал ему об их первой встрече и о том, каким ремеслом Чжао Лои зарабатывает на жизнь. Будь его воля, он никогда не выбрал бы путь убийцы. Но он слишком хорошо знал: у детей, выросших в Башне Десяти Направлений, каково бы ни было их прошлое, исход всегда один. Рано или поздно за хлеб придется платить кровью.

Чжао Лои заметил, как помрачнел ученик. Он приоткрыл было рот, собираясь что-то сказать, но передумал и промолчал.

Выйдя в коридор, Ли Мэн заметил, что дверь соседней комнаты распахнута настежь. Он заглянул внутрь — Хо Ляньюня там не оказалось. Притворив за собой дверь, юноша принялся легонько подкидывать на ладони кошель и не спеша спустился по лестнице.

Едва Ли Мэн скрылся внизу, из глубокой тени в другом конце коридора бесшумно вынырнул Хо Ляньюнь. Он небрежно прислонился к косяку двери Чжао Лои.

— Ну что, попробовал сладости, которые вчера принес твой ученик? — лениво поинтересовался он.

Чжао Лои проигнорировал вопрос. Повернувшись к гостю спиной, он аккуратно свернул и спрятал Карту-свиток из узорчатого шелка.

Хо Ляньюнь ничуть не обиделся. Он заметил развернутую бумажную обертку, оставшуюся на столе: среди темных крошек угадывались остатки кунжутного печенья.

— Тебе не показалось, что он слишком долго ходил? — Хо Ляньюнь прижал подушечку большого пальца к столу, собирая сладкую пыль, и с усмешкой взглянул на собеседника. — Да и вернулся какой-то рассеянный.

— Ближе к делу, — отозвался Чжао Лои.

В мыслях он уже прикидывал, где бы заказать новое оружие. Его излюбленная Трубка для курения была хороша, но из-за слишком частого использования металл рано или поздно сотрется в прах. Спрятав ее в дорожный узел, он достал короткий меч и закрепил его на поясе.

— Как только прибудем в Фэнъян, вы с учеником переходите в мое полное подчинение, — заговорил он, заранее предвкушая, как разозлится Чжао Лои. — Ты притворишься моим ненаглядным супругом, а твой малец — моим книгоношей.

— Хм, — только и обронил тот.

Хо Ляньюнь так и просиял:

— Неужто согласен стать моим мужем?

Чжао Лои одарил его ледяным взглядом:

— Позориться тут придется явно не мне.

Чжао Лои был статен, высок и излучал столь грозную силу, что в сочетании с его обычной небрежностью любой сторонний наблюдатель при виде такой «парочки» без колебаний решил бы: ведомым в их союзе является именно изнеженный Хо Ляньюнь. Самого его подобные условности не заботили. Раз уж маскарад облегчал им задачу, он без лишних споров шел на уступки.

— Скука смертная, — Хо Ляньюнь разочарованно скривился. Он полез за пазуху и извлек две бронзовые плашки шириной в два пальца. На лицевой стороне металл покрывал древний узор куй, на обороте вились речные травы и облака, а в самом центре красовался рельефный иероглиф «Хо». — Держи. С ними вы официально числитесь при моем поместье. Считаю, сам маркиз берет вас под крыло.

Чжао Лои промолчал. Двумя длинными пальцами он подцепил одну плашку, оставив вторую лежать на столе.

Хо Ляньюнь принялся бесцельно оглядывать комнату.

— Дверь у тебя за спиной, — напомнил Чжао Лои.

— И не подумаю уходить, — с этими словами Хо Ляньюнь бесцеремонно прошествовал во внутренние покои и развалился на постели Чжао Лои. Зажмурившись, он глубоко вдохнул и протянул: — Вот скажи мне, почему ты вырос таким несносным? В детстве ведь шагу не мог ступить без своего гэгэ Ляньюня.

В комнате воцарилась тишина. Чжао Лои закончил собирать дорожный узел и распахнул окно.

Та самая расписная ладья, которую вчера с таким любопытством разглядывал Ли Мэн, все еще покачивалась на прежнем месте. На носу сидели две юные служанки в зеленых платьях, беззаботно болтая в речной прохладе белоснежными ступнями. Заметив в окне Чжао Лои, одна из них прыснула в кулак и что-то зашептала подруге. Вторая, прикрывая глаза ладонью от яркого полуденного солнца, тоже уставилась на него. Девицы склонились друг к другу, явно шушукаясь о красивом незнакомце.

Чжао Лои посмотрел ниже. На шелковых лентах, украшавших борта судна, красовался вышитый ряд из девяти осенних хризантем. Он опасно прищурился.

— Мне нужно отлучиться. И не смей устраивать беспорядок на моей постели, — бросил он через плечо.

— Эй, а как же моя мазь?.. — крикнул ему вслед Хо Ляньюнь.

Ответом ему стал лишь сухой стук захлопнувшейся двери. Понимая, что упрямый Чжао Лои все равно не вернется, Хо Ляньюнь со вздохом устался на полог кровати. Он невольно прижал ладонь к правой стороне груди, где под плотной тканью повязки тупо ныла глубокая рана от меча.

Стоило Чжао Лои ступить на борт ладьи, как из-под киля по воде разбежались ленивые круги.

Он уже потянулся к поясу, чтобы заплатить за переправу, но нащупал лишь пустоту — кошель ведь остался у Ли Мэна. Уходить теперь, когда лодка уже отчаливала, было поздно.

Смышленные служанки мгновенно поняли причину его заминки и весело зашикали, прикрывая рты ладонями.

— Глядите-ка на него! Без единой монеты в кармане, а запрыгнул на лодку к нашей госпоже!

— девицы шутливо замахнулись веслами, делая вид, будто собираются столкнуть незваного гостя прямо в воду.

Лодка покачнулась, девичий смех зазвучал громче, и бамбуковая ширма, прикрывавшая вход в каюту, с тихим стуком раздвинулась.

— Что за шум снаружи?.. — раздался изнутри нежный голос.

Хозяйка каюты нахмурилась. Строго взглянув на служанок, она напустила на себя суровость:

— Опять бездельничаете? Живо ступайте заваривать чай!

Девушки переглянулись. Одна послушно ушла готовить угли, а вторая убрала чалку и, упершись длинным шестом в берег, направила судно к середине реки.

— Моя оплошность. Отдал кошель ученику на пропитание, — признался Чжао Лои, разглядывая поднимающийся над пиалой ароматный пар. — Как только малец вернется, я велю ему занести деньги на борт.

На незнакомке было алое нижнее платье, поверх которого она набросила легкую, как облако, белоснежную накидку до самых пят. Чжао Лои она поднесла простую чайную пиалу, себе же налила настой в изящную чашечку из бледно-зеленого нефрита и сделала крошечный глоток.

— Обзавелся учеником? — спросила Цинь Чжэньчжэнь, пододвигая к нему тарелку со сладостями.

Чжао Лои взял двумя пальцами какое-то рассыпчатое пирожное и рассеянно кивнул:

— Да. Два года назад в Чжунъане взял плату от одного столичного чиновника.

— И чьих же он будет?

Чжао Лои обмакнул указательный палец в чай и прямо на деревянной столешнице вывел фамильный иероглиф.

Цинь Чжэньчжэнь ненадолго задумалась и понимающе кивнула:

— При дворе полно коварных лисиц, но глава того семейства в свое время славился редкой честностью. В те годы император был еще совсем юн, придворные группировки вели непрестанную борьбу за власть, так что его отставка была лишь вопросом времени. Но никто не ожидал, что после подавления смуты Его Величество окажется столь безжалостен. Два года

назад в Чжунъане за одну ночь пролились реки крови, и тот дом был далеко не единственным, кого вырезали под корень.

Голос ее звучал удивительно мягко и певуче. Она потянулась вперед и осторожно коснулась пальцами запястья Чжао Лои, проверяя его пульс. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь резную оконную раму, лаская ее нежные черты. Черные как смоль волосы волнами спадали до самой талии. Похоже, она проснулась совсем недавно: на лице еще угадывались едва заметные следы вечерних румян.

Чжао Лои молча всматривался в ее лицо. Тревога и смятение, всколыхнувшие его душу при виде девяти хризантем на бортах ладьи, постепенно угасли.

— Таоу все эти годы преданно оберегал наши рубежи, — Цинь Чжэньчжэнь убрала руку. — Перед уходом заберешь две шкатулки с лекарством. Я приготовила их для тебя еще полгода назад, но ты так и не явился — только редкие травы зря перевела. В прошлом месяце пришлось делать новые пилюли. Принимай их каждое утро и вечер, запивая теплой водой, и не вздумай уменьшать дозу.

Чжао Лои негромко угукнул и уже собирался что-то ответить, как вдруг с берега донесся зычный, до боли знакомый голос, требующий немедленно причалить к пристани. Он выглянул из окна каюты.

Чжао Лои лишился дара речи.

Ли Мэн, стоявший на причале, остолбенел.

А случилось вот что: отправившись за завтраком, Ли Мэн сперва с удовольствием умял порцию нежного соевого творога, а затем отполировал это дело миской горячих хуньтуней. Увесистый кошель Чжао Лои в ладони дарил ему удивительное чувство сытой уверенности. Зная, что они покинут Юньинь только во второй половине дня, юноша не спеша дошел до моста и вдруг приметил скользящую по речной глади расписную ладью, которая выглядела куда богаче и изящнее вчерашней. Вспомнив, как шифу вечно журит его за дремучесть и неумение держать себя в приличном обществе, Ли Мэн решил подняться на борт и самолично поглядеть на столичную роскошь — пусть старик знает, что его ученик тоже не лыком шит.

Но стоило Ли Мэну ухватиться за шест и ступить на палубу, как Чжао Лои точным пинком отправил его кувырком прямо вглубь каюты, попутно ловким движением вырвав из рук кошель. Он выудил горсть серебра, заметив, как молоденькие служанки изо всех сил стараются заглянуть внутрь, сгорая от любопытства.

Покопавшись в кошельке, он убрал мелочь и достал слегка помятую банкноту достоинством в пятьсот лянов.

Несмотря на складки, служанка сразу разглядела подлинные печати и водяные знаки авторитетного банка «Дашэн». Краснея до ушей, она пролепетала:

— Господин, это слишком щедро! Если хозяйка узнает, нам несдобровать.

— Не станет, — коротко отрезал Чжао Лои. Немного подумав, он достал еще два увесистых серебряных слитка лянов по пять каждый и кивком указал на корму.

Служанка мигом спрятала подношение в рукав:

— Все исполним. Благодарим за щедрость, господин.

Внутри каюты царил полумрак.

Ли Мэн, забыв обо всем на свете, во все глаза смотрел на Цинь Чжэньчжэнь. Ее движения при заваривании чая завораживали своей отточенной грацией. Кипяток приготовили на корме, и Чжао Лои сам занес тяжелый чайник внутрь.

После сытного и тяжелого завтрака пиала крепкого чая пришлось как нельзя кстати. Вот только Ли Мэн, замороженный красотой Цинь Чжэньчжэнь, уже чувствовал себя пьяным без вина. Он робко, едва дыша, принял из ее рук дымящуюся пиалу.

Чжао Лои без лишних слов отвесел ему увесистый подзатыльник.

Чай выплеснулся юноше на колени. Ли Мэн вскипел и уже готов был вскочить с кулаками, но, наткнувшись на суровый взгляд наставника, мигом сдупся и покорно усел на место.

— Простите, я не знаю вашего имени, — вежливо обратился Ли Мэн к хозяйке, стараясь говорить как благородный молодой господин. — Мой шифу — человек неотесанный, прошу вас не держать на него обиды за эту грубость.

Цинь Чжэньчжэнь не сдержала мягкой улыбки:

— Твой учитель весьма обходителен.

Ли Мэн все еще пытался расшифровать, что скрывается за этим загадочным «весьма обходителен», когда Чжао Лои грузно опустился рядом с ним. Рядом с наставником юноше пришлось вытянуться в струнку, не смея даже пошевелиться.

Про себя он продолжал возмущенно ворчать:

«Надо же, ни свет ни заря шифу побежал к девице, да еще и меня услал подальше — ну и жук!»

С другой стороны, разглядывая лицо Цинь Чжэньчжэнь, Ли Мэн ловил себя на странном чувстве. У каждого мужчины свой идеал красоты. Он рано потерял мать; в доме отца было несколько наложниц, и каждая славилась пригожестью, но в памяти мальчика навсегда отпечатались лишь матушкин портрет. Женщина на свитке выглядела величественной, но в то же время хрупкой и беззащитной — при одном взгляде на нее сердце сжималось от щемящей нежности. В детстве он часто мечтал: будь его мама жива, он защищал бы ее ото всех невзгод мира.

— Куда вылутился? — Чжао Лои снова легонько щелкнул его по затылку.

Повернув голову, Ли Мэн с удивлением заметил на скулах наставника едва заметный румянец. Изумление на его лице тут же сменилось хитрой усмешкой:

— Так ведь и вы, шифу, глаз с нее не сводите.

— Премного благодарны за гостеприимство, — Чжао Лои проигнорировал подначку и, бесцеремонно схватив ученика за шкирку, поднялся, давая понять, что им пора уходить.

Цинь Чжэньчжэнь выставила на стол две лакированные деревянные шкатулки. Чжао Лои тут же сгреб их своими широкими ладонями.

— Заглянешь на обратном пути? — спросила она.

— Если дороги сойдутся, — Чжао Лои подтолкнул Ли Мэна к выходу.

Они ненадолго задержались на носу ладьи, пока та притиралась к причалу, а затем уверенно ступили на твердую землю.

Ли Мэн то и дело оглядывался назад. Бамбуковая ширма каюты оставалась плотно закрытой — Цинь Чжэньчжэнь так и не вышла проводить их. Юношу душила досада: все из-за этого ворчливого шифу! Впервые в жизни он встретил женщину, так похожую на покойную матушку, а ему даже толком не дали на нее наглядеться. «Ничего, вот разбогатею и обязательно вернусь сюда сам», — твердо решил он, стараясь получше запомнить каждую деталь расписного судна.

Ли Мэн плелся далеко позади, провожая взглядом плывущую по реке ладью. Лишь когда долговязая фигура Чжао Лои почти скрылась за поворотом улицы, он спохватился и бросился догонять учителя.

— Забрал свои снадобья? — Хо Ляньюнь все еще валялся на кровати. Завидев вошедшего следом за Чжао Лои Ли Мэна, он приветливо улыбнулся и ему.

Чжао Лои лишь коротко хмыкнул и принялся бережно убирать шкатулки в дорожный мешок.

«Так это были не любовные дары, а обычное лекарство?» — сообразил Ли Мэн.

Он вспомнил, как помогал шифу обрабатывать раны и заметил в ящике комода кучу склянок с притирками. В спешке побега они, должно быть, оставили все там. Выходит, загадочная красавица на реке была не просто случайной зазнобой наставника, а кем-то вроде личного лекаря. Эта мысль немного успокоила уязвленное самолюбие юноши.

— Победаем здесь, в трактире? — поинтересовался Хо Ляньюнь.

— Решай сам, — непреклонно бросил Чжао Лои и, нависнув над кроватью грозной тенью, добавил: — А теперь проваливай в свою комнату.

Под обиженным взглядом Ли Мэна эти двое преспокойно удалились в соседний номер. Подросток, которого бесцеремонно проигнорировали, мысленно помянул всех чертей. Вздохнув, он вытащил из бумажного кулька пригоршню жареных конских бобов, уселся на широкий подоконник и принялся меланхолично хрустеть ими, подставив лицо свежему речному ветру.

Мысли его невольно унеслись обратно в Чжунъянь. Будущее казалось зыбким и туманным. И пусть рядом с ним находились два первоклассных мастера боевых искусств, юноша никак не мог избавиться от грызущего чувства тревоги.

После смены повязок в тесной комнатке долго не затихало тяжелое, прерывистое дыхание.

Чжао Лои крепко держал Хо Ляньюня за подбородок. Тот слегка повернул голову, утыкаясь лицом в плечо наставника, и жадно вдохнул резкий, чисто мужской запах его тела. Внутри маркиза вновь затеплился тот самый огонь, который он так долго и безуспешно пытался потушить.

— Слушай, у тебя там внизу часом ничего не перегорело? Будем проезжать мимо Наньчжоу, загляни в Обитель праздных — пусть тамошние лекари тебя осмотрят, — с издевкой протянул Хо Ляньюнь, косясь на приоткрытый воротник Чжао Лои. — Раны-то на спине затянулись? Дай погляжу.

Чжао Лои пропустил шпильку мимо ушей. Он молча поднялся и принялся убирать лекарства:

— Почти зажили, только чешутся немилосердно.

— Чешутся? — вкрадчиво прошептал Хо Ляньюнь. — Давай твой гэгэ почешет, сразу легче станет.

Чжао Лои даже ухом не повел. Закончив с делами, он просто развернулся и вышел за дверь.

Вернувшись в свою комнату, он застал Ли Мэна у окна.

— Эта ладья сегодня здесь больше не проплывет, — бесстрастно обронил Чжао Лои.

Ли Мэн смущенно слез с подоконника и высыпал остатки бобов на стол.

Чжао Лои без особого интереса взял один боб и принялся легонько крутить его в пальцах. Он посмотрел на ученика сонным, вечно полуприкрытым взглядом.

Ли Мэн бросил быстрый взгляд на бобы и на всякий случай инстинктивно прикрыл шею ладонями. Мало ли что. Чжао Лои не раз доказывал, что в его руках даже такая безобидная мелочь может превратиться в смертоносный снаряд.

— В Линьчжоу мы с Хо Ляньюнем влипли в крупные неприятности, — ровным голосом заговорил Чжао Лои. — Нам заказали устранить человека, выдававшего себя за Хо Ляньюня. При нем должна была находиться одна крайне ценная вещь. Теперь слухи пошли гулять по свету, и все уверены, что это мы совершили убийство и забрали добычу. Дорога предстоит жаркая: на нас объявят охоту. Чтобы избавиться от преследователей раз и навсегда, мы обязаны первыми отыскать эту вещь и передать ее законному владельцу.

Ли Мэн изумленно округлил глаза. Поспешно проглотив недожеванный боб, он судорожно схватил пиалу и сделал несколько крупных глотков, чтобы унять дрожь.

— Шифу, вы впервые на моей памяти произнесли так много слов за раз.

Чжао Лои одарил его убийственным взглядом.

— Да-да, я все понял, вы не любите пустую болтовню, — Ли Мэн примиряюще замахал руками и, подтянув под себя табурет, придвинулся ближе. — Так что же это за вещь? Поведаете мне?

Чжао Лои отвел взгляд:

— Свиток Сотни Оружий. Он хранился в поместье семьи Ван в Фэнъяне. Если то, что мы нашли у Хэ Жуйтина, окажется подлинным... значит, старого хозяина поместья Ван уже нет в живых.

В голове Ли Мэна словно яркая вспышка сверкнула.

«Ведь именно за этим Свитком охотилась Сяо Чанчу!»

— Но если вещь у Хэ Жуйтина настоящая, то в Поместье семьи Ван ловить уже нечего. Зачем нам туда соваться? — недоуменно нахмурился юноша.

Чжао Лои медленно потянул из ножен короткий меч и небрежно щелкнул пальцем по холодной стали. Раздался тонкий, чистый звон.

— Хо Ляньюню до смерти нужен этот Свиток. И я обязан сделать все, чтобы он поверил: у меня его нет.

Ли Мэн уставился на учителя, изо всех сил стараясь изобразить крайнее изумление.

«Какая удача! Все складывается прямо мне в руки!»

На самом деле в его душе бушевал искренний восторг.

Холодный отблеск клинка лег на лицо Чжао Лои. Глубокий, застарелый шрам, рассекающий бровь, не лишал его черты благородства, но окутывал его фигуру такой тяжелой, пугающей аурой смерти, что мало кто осмеливался всматриваться в его лицо.

<http://bllate.org/book/18266/1758657>